

Андрей СМОЛИН

**ВИКТОР
КОРОТАЕВ**

ОБ АВТОРЕ

СМОЛИН Андрей Петрович родился и живёт в старинном русском городе Вологда.

Много лет занимался журналистикой. Сейчас – на литературной работе. За последние годы выпустил несколько книг литературной критики и публицистики. Среди них – монографии о творчестве русских писателей Владимира Кудрявцева и Вячеслава Белкова.

Основные его интересы лежат в плоскости исследования писателей Русского Севера. Его статьи и рецензии были посвящены творчеству А.Ганина, А.Яшина, В.Белова, В.Кудрявцева, В.Белкова, Ю.Максина, многим молодым писателям России.

Считает, что в последние годы русская литература во многом испытывает кризисные явления. Они связаны с переоценкой её прошлого, нередко навязанной извне. Особенно, это касается столичных городов. А вот в провинции ещё сохраняется живой и неподдельный интерес к тому, что пишут современные русские писатели.

В последние годы литературный критик много размышляет о судьбах поэтов и прозаиков своего поколения, тех, кто был рождён в 50-годы прошлого века. Этот очерк о замечательном русском лирике Викторе Коротаеве родился из этих размышлений. Ведь многие поэты Вологодчины учитывают опыт своих предшественников на поэтическом поприще. Поэтому и критику потребовалось обратиться к творчеству поэта, который во многом способствовал становлению целой «генерации» поэтов на Вологодчине.

Будем надеяться, что эта книга будет благожелательно принята читателями разных поколений.

АНДРЕЙ СМОЛИН

ВИКТОР КОРОТАЕВ

ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

ВОЛОГДА
2011

*Автор выражает особую благодарность
Соколовой Марии Андреевне
за активную помощь в издании этой книги*

Редактор – С. Тихомиров

Смолин А.П.

ВИКТОР КОРОТАЕВ. Заметки о творчестве поэта. – Вологда, «Книжное наследие», 2011, - 66 с.

Новая книга литературного критика из Вологды рассказывает о творчестве выдающегося русского поэта и прозаика В.В.Коротаева (1939-1997). В ней автор рассматривает несколько тем, которые наиболее характерны для творчества этого писателя.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ОТ АВТОРА:

Земля Вологодчины удивительно богата своими поэтическими традициями. Давно и прочно вошли в русскую поэзию имена К.Батюшкова, В. Красова, Ф.Савинова, А.Ганина, А.Яшина, Н.Рубцова, С.Викулова, С. Чухина, А.Романова, О.Фокиной... Достойное место в этом «свитке» имён занимает Виктор Вениаминович Коротаев. За годы, прошедшие после его ухода из жизни, интерес к его творчеству не ослабевает. Совсем недавно, в 2009 году, в Вологде вышла большая книга его избранных стихотворений «Прекрасно однажды в России родиться», сразу ставшая библиографической редкостью. Мне представляется, что пришло время по-новому посмотреть на творчество поэта. Что и было сделано в настоящей книге...

ISBN 978-5-91965-016-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая.....	6
Глава вторая.....	22
Глава третья.....	35
Глава четвертая.....	44
ПРИЛОЖЕНИЯ:	
Награды и звания	57
Произведения В.Коротаева	58
О творчестве В.Коротаева	59
Из фотоальбома.....	60

Поэт и прозаик Виктор Кортаев стал широко известен в России на самом рубеже 1960-70-х годов. Тогда в ряде московских издательств массовыми тиражами вышло несколько его поэтических сборников.

Он вошёл в «московский круг» поэтов, среди которых Станислав Куняев, Борис Примеров, Егор Исаев, Александр Бобров, Анатолий Передреев, Валентин Устинов, Сергей Викулов...

Несколько лет Виктор Кортаев был другом и соратником выдающегося русского поэта Николая Рубцова... Его связывали дружеские отношения с Евгением Евтушенко, Глебом Горбовским, многими поэтами Русского Севера.

О творчестве В.Кортаева писали литературные критики В.Гура, В.Дементьев, В.Перцовский, Н.Кузин, В.Оботуров, В.Белков, В.Харчев, Е.Степаненко и другие; о судьбе поэта и человека размышляли его друзья - Станислав Куняев, Александр Романов, Владимир Кудрявцев...

Поводом для этой монографии вполне могли послужить слова поэта Басыра Зайцева (США): «Жаль, что у высокой критики пока не нашлось времени для глубокого прочтения стихов Виктора Кортаева... И, смею утверждать, что, как и любому большому таланту, ему будет тесно в любых наперёд заданных рамках...»

Автор этой книги, однако, решил написать краткий литературный портрет (даже, скорее, штрихи к портрету), раскрывая творчество поэта для будущих читателей Виктора Кортаева.

Стихи всегда отражают духовную сущность их создателя, его биографию и эпоху, в которую он жил. Поэтому «биографические моменты» судьбы поэта ушли на второй план. Автор книги, не повторяя своих предшественников, старается найти новые грани таланта В.Кортаева.

Что автору удалось, а что нет, судить, как водится, читателю...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Муза входит, не спросясь...

Виктор Коротяев

Поэт ушел от нас на 59-м году жизни (1997 г.). Уже можно, как я думаю, представить новых читателей Виктора Коротяева, тех, кто пришёл в этот мир хотя бы лет за пять до его кончины. Они по-разному вступают в благословенную юность – время мечты, любви и надежд, а это время воистину поэтическое.

Но им, юным читателям, уже не видеть его «упругой, с лёгкой развалкой» походки, не слышать бодрого баритона, не пожать тяжеловатую, крепкую руку. Он не почитает им свои стихи, не исполнит под гармошку разудалую частушку. Их не расположит к общению его открытая улыбка, если он почувствует в человеке друга, и не насторожат насупленные пред недругом густые брови. Для друзей душа у него была доброй и щедрой, а для врагов – неподкупной и бесстрашной. Он уже всем видом своим оберегал духовные и нравственные ценности русского народа, правду его великой истории.

Я обращаю своё слово и к тем, кто знал поэта, но, в первую очередь, к тем, кому только предстоит открыть для себя поэтический мир Виктора Коротяева. Для них имя поэта уже отделилось от личности, от его земной плоти. Он для молодых читателей просто «автор стихов и прозы», «выдающийся поэт Вологодчины», «прекрасный русский поэт». Понятно, что все эти определения – цитаты из отзывов и статей о поэте.

Таков непреложный закон жизни.

Но вот мы, спрашиваю себя, те, кто сохранил в душе и сердце живой облик поэта, сможем ли мы стать «экскурсоводами» по его художественному миру? Сможем ли донести до нынешнего читателя то главное, чему была отдана его жизнь, и то сокровенное, что несла в себе его поэтическая судьба?..

Признаюсь, с некоторых пор я боюсь таких вопросов. Интересно говорить с тем, в ком слово твоё о поэте-современнике, о его творчестве находит отклик. Так хочется познакомить молодого читателя со стихами, которые отмечены и силой высоких чувств, и прозрениями честного разума, и пророческими откровениями о мире, окружающем нас. Потому и беру на себя смелость на такой разговор выйти, чувствуя, что время для него наступило.

* * *

Тому, кто хочет войти в художественный мир Виктора Коротаяева, предлагаю начать знакомство с его поэзией с такого стихотворения. Называется оно довольно символично – «Экзамен»:

*Ты маме кричишь из передней,
От счастья вертясь, как юла,
Что химию –*

самый последний

Сейчас

на четвёрку

сдала...

*На месте никак не сидится,
И ты с подоконника – в сад,
В порхающем платье из ситца
Несёшься, увидевши лица
Весёлых соседских ребят.*

Ну да, как это: «с подоконника – в сад»? – спросит юный житель многоэтажки. Ему уже и не представить, что

каких-нибудь(!) полвека назад в деревянной Вологде было много красивых домов-теремов. С их подоконников легко «порхалось» не только в сад...

Да и стихотворение это из сборника «Экзамен», вышедшего в 1962 году. Как раз полвека назад!

*Щебечешь безудержно,
Рада,
Готовая петь и плясать.
«Ах, как хорошо, что не надо
Экзаменов больше сдавать!»*

Кто из нас не переживал хоть раз такое состояние. Экзамены – позади, впереди – э-эх! - новая жизнь! Как захлёстывает радость от преодоления очередного испытания! И мы летим, летим в своих мечтах. Но каждому ли из нас было дано такое, например, предостережение-напутствие на пороге жизни:

*Сказать тебе, девочка, честно,
Восторг не боясь остудить:
Долга до конца ещё песня,
Экзамены –
 все впереди.
Но мы ведь когда-то
И сами
Не сразу сумели понять,
Что жизнь вся –
 сложнейший экзамен,
А сдать его надо
 на пять.*

Во все времена молодые не любили нравочений, которыми часто грешат взрослые. А ведь эти слова произносит не «мама», а такой же сверстник двадцати лет от роду. Может, это «соседский мальчишка», влюблённый в неё – героиню стихотворения.

Имел ли он право на это? Мог ли он быть услышан?

В «то время», в ту эпоху, думаю, да. Не исключаю, что в пору романтической влюбленности это стихотворение вписывали девчонки в тетрадные «антологии» стихов о любви. Читали его, наверно, часто со сцены на школьных или вузовских вечерах поэзии.

Есть в «Экзамене», на мой взгляд, и переключка с очень популярным тогда стихотворением Ярослава Смелякова «Хорошая девочка Лида...» Помните? Тот же трёхстопный амфибрахий, тот же эмоциональный настрой и схожие сюжетные коллизии. А главное тот же образ – юной выпускницы школы. Виктор Коротаяев, правда, смотрит на свою «Лиду» с лёгкой иронией, хоть невольно и любит её. Она и вертится, как юла, и с подоконника может сорваться в сад, как бабочка с «порхающим платьем из ситца» (если по моде тех лет, то ситец, наверняка, – в яркие полосы). Она и на ребят соседских посматривает, хотя у Смелякова этот «процесс» как бы обратный: мальчишки заглядываются на Лиду...

Эта дружелюбная ироничность и выливается в несколько назидательные последние строки стихотворения. Точнее – тут предостережение, повторюсь, на будущее, попытка помочь своей героине посмотреть на мир с иной точки зрения. Вспомним загадочное местоимение «мы». Кто – «мы»? «Мама», как образ, заявленный в начале стихотворения? «Соседские ребята»? Вообще, школьный «коллектив»? Загадка. Во всяком случае, взгляд на «выпускницу» у поэта чуть «свысока», точнее – «сверху». Именно такую тональность поэт решил задать своему сюжету.

Кто-то скажет, почему же для знакомства с творчеством Виктора Коротаяева я взял не самое лучшее стихотворения?

Лучшее, не лучшее – это не система отсчёта в поэзии. В конце концов, поэт имел право, если он действительно поэт, быть и «узаконенным» публицистом. А то, что перед нами поэзия, у меня, например, сомнений нет...

Тут дело в поэтической и жизненной правде! Для молодых жизнь, развернутая в будущее, – это тоже, как постоянный экзамен, похожий в чем-то и на экзамен школьный. Они ей задают вопросы, а «жизнь» им отвечает на них. Вся жизнь – это система верных или ложных вопросов-ответов.

И только потом, с опытом, приходит осознание, что и «жизнь» тоже умеет задавать нам свои вопросы – и нередко вопросы неудобные. Но тут уже ответственность за искренность и правдивость ответов лежит на каждом из нас.

Но вернусь к своей загадке. Так кто же это «мы»? Тем более, «мы... когда-то и сами не сразу сумели понять...» О ком это?

Давайте ещё раз перечитаем «Экзамен». Поэт тут говорит от имени своего поколения *д е т е й в о й н ы*. Разница между ним и послевоенной «выпускницей» совсем не велика – может, три-четыре года. А взросление у них разное и миропонимание тоже – другое.

Коротаев нередко и потом, в других стихах, вместо «я», считающегося нормой поэтической речи, употребляет – «мы». Например, в стихотворении «Река работала, как лошадь...» (в последней его редакции). Оно о постижении жизни через искусство, через «кино». Но...

*И мы – не плаксы и не рохли –
Уверимся в который раз,
Что наши души
Не засохли,
И дело тут
Совсем не в нас.*

Или в стихотворении «Памяти Александра Яшина»:

*...Ветер гуляет по душам,
Каждый-то нерв напряжён.
Так ли мы истине служим,*

Все ли себя бережём?

Даже тогда, когда другой поэт постарался бы отделить себя от собрата по ремеслу, Коротаяев наоборот – настаивает на этом «мы». Напомню стихотворение «Николаю Рубцову»:

*Мы радовались тихо,
Что хоть здесь-то
Вопросы все
Пока разрешены.*

Как спокойно и ответственно Коротаяев произносит это «мы». Не боясь, как обычно бывает у литераторов, потерять свою «творческую индивидуальность». Не – «я», не – «он», не каждый порознь, а именно – мы! Как говорят иногда в народе: «оба вместе». А это впитывалось с молодых лет...

Примеры можно множить и множить. Он всегда буд-то мобилизован на борьбу за добро и честь, и всегда – от имени с в о е г о поколения. Он приписан к нему до конца жизни и потому всегда перед ним ответствен. В этом, на мой взгляд, и одна из характерных черт всей поэзии Виктора Коротаяева.

Отсюда и устойчивость его мировоззренческих позиций. Устойчивость, ведущая порой к некоторой «догматике» жизненных принципов, воплощённых и в его поэтико-публицистические строки. Отсюда, наверно, и ревнивая значимость поколенческих приоритетов и ценностей. А шире – и народных! Так неожиданно глубоко и нравственно оправдано высвечивается это «мы» и в простом, на первый взгляд, не заглавном стихотворении «Экзамен».

...Да, при выборе стихотворения для «знакомства» с поэзией Виктора Коротаяева я положился на свой «вкус». Точнее, на реально возможное прочтение этого стихотворения молодым человеком «другой» эпохи. Тут нечего скрывать: такое стихотворение могло и мне понравится в те достаточно далёкие теперь годы моей юности. Но я не помню, как я воспринимал его тогда.

В позиции исследователя всегда есть определённая «множественность». В моём мироощущении и восприятии стихов поэта за первым планом всё время возникают как бы второй, третий план. А как было «тогда»? А как «сегодня»? А как будет завтра? А какие чувства при чтении стихов Виктора Коротаяева могут возникать у его нынешних читателей? С «этим» мы с вами и будем разбираться по мере погружения в художественный мир поэта.

* * *

Лирика Виктора Коротаяева имеет несколько явно выраженных «пластов»: державно-патриотический и «сельский», пейзажный и «любовный», юмористический, семейный и социально-публицистический... Все они проникают друг в друга и часто самым неожиданным образом.

Два слова о «пласте социально-публицистическом».

Молодые читатели нового века воспитаны, как правило, на образчиках искусства, отражающих, чаще всего, «чёрные» стороны нашей действительности. Но эта тема и у поэта, писавшего в эпоху развивающегося социализма, была тоже далеко не на последнем месте, хотя для него и не являлась «магистральной».

Для этого достаточно прочитать стихотворения Коротаяева: резко-гневные – «Уж как-то вот так получилось...», «Мать», «Не дробясь, не юля, перед стопкой в гостях не ломаюсь...»

Или вот эти стихи, по-иному отражающие эту тему, – «Рос бледнолицым брат мой и щедушным...», «Шефствуют студенты над колонией...», «Лариска»...

На последнее стихотворение я обратил бы особое внимание: оно прочитывается очень современно. На наших глазах идет глобальное и целенаправленное разрушение ценностей и устоев традиционной семьи (чуть ли не четверть нынешних детей воспитывается в неполных семьях

или с отчимом). Да и других сложностей хватает...

Еще будучи «молодым человеком» Виктор Коротаяев создаёт исповедальный м а н и ф е с т под названием «Поэт». Оно очень важно и для понимания природы коротаяевского таланта, и его отношения к предназначению поэта.

Стихотворение написано по-юношески страстно, с полемическим накалом, даже с некоторым вызовом уважаемым тогда поэтам. Не зря, по-моему, В.Коротаяев использует «тактовик» В.Маяковского или Евг. Евтушенко, таким образом, переключаясь с ними. Интонации, к слову, последнего очень слышатся в этом стихотворении.

Оговорюсь, что я не ищу следов подражаний или заимствований. Скорее, мне хочется определить ту поэтическую, культурологическую традицию, к которой мог бы принадлежать (хотя бы на «раннем» этапе) в своём творчестве Виктор Коротаяев. Так вот, «Поэт»:

*Вы, Олег Владимирович, правы:
Засучив по локоть рукава,
Истинный поэт
Не ради славы
Ищет сокровенные слова.
У него и в мыслях даже нету,
Что когда-то,
 сжав в руке тетрадь.
Будет он
 среди живых букетов
На граните
 бронзовый стоять.*

Чтобы понять замысел поэта, надо сказать об «образах». «Олег Владимирович» – персонаж не вымышленный. Олег Владимирович Шайтанов – это профессор Вологодского педагогического института. Его лекции слушал и студент историко-филологического факультета Виктор Коротаяев. Говорят, профессор был большой эстет в поэзии, нередко придерживаясь принципов «чистого» искусства.

Во второй части строфы поэт, конечно, лукавит. Призрак памятника, отлитого в «бронзе» (в виде опекушинского Пушкина), ой, как многих стихотворцев посещал в сладостных или кошмарных сновидениях...

Но дальше – важно! Молодой поэт словно намечает себе «полюса» постижения мира для воплощения в стихах.

*Просто он готов обнять полсвета,
Слыша, как прорезав вышину,
Первая
советская ракета
Подстрелила старую луну.*

Эх, какая эпоха досталось ему! Стихотворение, кстати, написано ещё до полёта Юрия Гагарина. Иначе бы поэт не преминул отразить тот всенародный взрыв победных эмоций, который ему тоже довелось пережить 12 апреля 1961 года вместе со своей страной. Недавно социологический опрос показал, что ныне чуть не каждый второй молодой человек не знает это имя – Юрий Гагарин.

Ещё не перекрыта Братской ГЭС Ангара, ещё не завершено «поднятие» целины, ещё не построена дорога Абакан-Тайшет, ещё не возобновлено строительство БАМа, а у поэта уже есть отчётливо-яркое понимание своей принадлежности к ещё одному поколению победителей, последнему в двадцатом веке. Сам «воздух» эпохи говорил об этом!

К слову, моё вхождение во взрослую жизнь пришлось на начало 1980-х годов, но наше поколение уже назвали потом «потерянным», как, впрочем, и все последующие... Говорю об этом, чтобы расставить временные вехи, обозначив перелом одной эпохи на другую.

Но вернёмся к стихотворению «Поэт». Какой же другой «полюс» постижения жизни намечен Виктором Коротавым?

*Просто он не хочет больше видеть,
Как под ним,
Внизу
Который год
Тётя Паня,
Не копя обиды,
В низкой комнатущечке живёт.*

Да, такое вот откровение!.. А ведь за грохотом салютов и за словами торжественных рапортов о свершениях, судьбоносных для страны и народа, когда от вселенского восторга искренне хотелось «обнять полсвета», вполне можно было и не «заметить» тётю Паню в «низкой комнатущечке».

«Тётя Паня» предвосхищает и образ «добрého Фили» у Николая Рубцова, и самого Ивана Африкановича Дрынова с Катериной у Василия Белова в «Привычном деле». Их общая черта – прожить свой век, «не копя обиды» и на самую жизнь, и на людей.

Но нет ли тут у Коротаяева насильственного сближения образов: мощной ракеты с «комнатущечкой» тётки Пани? И даже, заглядывая вперёд, – космонавта и тётки Пани? Вопросы по тем временам были бы признаны кощунственными. Но... Коротаяев отвечает на них! И отвечает определённо.

Есть у него стихотворение «Сидели бабы на скамейках...» По сути, это парафраз известного рассказа Александра Яшина «Рычаги», только с другим наполнением содержания.

Деревенские женщины пристрастно и с болью обсуждают «свои колхозные дела»: сенокос «провален», дожди льют, не переставая, электричества нет, молодежь уезжает из родных мест, кинофильмы и те привозят в сельский клуб «с затяжкой на два года»...

И тут:

*В углу хрипящий репродуктор
Неторопливо забасил
О том, что проводила в космос
Посланца нового Москва.
И Левитан приподнял голос,
Роняя вечные слова.
И бабы смолкли перед ними.
Неловко, вроде, стало им
Трястись с обидами своими
Перед величием таким.*

Сюжет начала 60-х годов прошлого столетия. Для молодого читателя тут приметы иного времени, им уже неведомого: как это нет электричества, как это новые фильмы смотреть через два года после их выхода на экран и т.д. Но люди постарше всё это пережили и хорошо всё помнят. И если бы стихотворение оборвалось на этой строфе, они восприняли бы это как естественное, даже «правильное» проявление позиции поэта. Но... Коротяев не остановился на этом.

*Но старый дед, сопящий с ночи
На облюбованной печи,
Их в политической и прочей
Незрелости
не уличил.*

Поэт сумел выбрать и расставить свои приоритеты, которые отличались от бытовавшего тогда «общественного мнения». Судьёй эпохи, получившей название эпохи научно-технической революции (НТР), у Коротяева становится «старый дед» и поэт с ним заодно. И уже он не уличает деда в «прочей незрелости». В этом проявились и глубинное понимание народной жизни, и гражданская смелость поэта.

Не подумайте, что я слишком долго «хожу» вокруг двух

строф стихотворения «Поэт». Держу в себе «третий план»: как такие стихотворения будут восприниматься в будущем? Будут ли они поняты в истинности своего замысла? Многие образы время размыло, и они у нынешнего поколения порой не пробуждают в сердце никаких чувств. И пока мне нет ответа...

Но дальше – проще!

Дальше в стихотворении «Поэт» всё и всем должно быть понятно. Экспрессия поэтического накала достигает высшей точки: явилась непрощенная Муза!

Надо ли объяснять, почему Муза берёт поэта в «охапку», «тащит и без шарфа, и без шапки в темь и холод, в дождь и снег, и в грязь». Она «ведёт» его на свидание с берёзами и с впечатлениями от прошедшего дня, чтобы «натешиться» им, «запереть» и усадить за стол, а потом, измученного, бросить на жёсткую кровать...

Одни-то треволнения от этой Музы!

И всё же...

...Всё же он до смерти не изменит

Верной своенравнице своей.

Потому, что знает он заранее –

Так ведётся с самых давних лет:

С ней –

одно мученье и терзанье,

Без неё –

и вовсе счастья нет.

Всё – точка? А может быть, Коротаяев не «договорил» ещё одной важной составляющей истинного поэта. Ведомый Музой, он должен оставаться с а м и м с о б о й в любые времена.

Нынче не очень любят вспоминать «неистового Виссариона». Но Виктор Коротаяев, кажется, знал это высказывание Белинского: «...искусство имеет свои законы, без уважения которых нельзя хорошо писать. Оно, прежде всего, требует, чтобы писатель был верен собственной натуре,

своему таланту, своей фантазии. А чем объяснить, что один любит изображать предметы веселые, другой – мрачные, если не натурой, характером и талантом поэта? Кто что любит, чем интересуется, то и знает лучше, а что лучше знает, то лучше изображает...»

Заметили: п р е ж д е в с е г о... верность своей «натуре», то есть своему характеру. Виктор Коротаяев не всегда «писал хорошо». Особенно, в молодости, когда только входил в литературу. Но и тогда он оставался верным своей «натуре», а в ней всегда кипело страстное желание «обнять полсвета». Причём, сразу, одним махом, а это поэту далеко не всегда показано.

Теперь-то нам ясно, как «вырастал» Виктор Коротаяев со своей Музой, каким значительным стал его талант, и как помогли ему в этом «ориентиры», намеченные в стихотворении «Поэт».

Даже так. Он от «космических» высот очень быстро «опустился» на грешную землю: к близким ему «тётям Паням» и «дедам Иванам», к своим «Ларискам» и «Оленькам». Он обратился и к своим сверстникам, чтобы в «стихе» отразить их жизнь и выразить их по жизни настроения. В этом он увидел для себя истинное предназначение русского поэта.

* * *

На этом можно бы и закончить разговор о стихотворении «Поэт» Виктора Коротаяева. Но есть, как говорится, одно «но».

Сегодня в читательском сознании «фигура» Николая Рубцова «заслонила» собой многих его современников. И это отчасти справедливо. Сам Виктор Коротаяев, к примеру, очень многое сделал, чтобы память о друге-поэте ширилась и множилась в русских пределах.

Но меня и донныне поражает тот факт, что исследователи Рубцова не обратили внимания на уникальный факт в истории «вологодской» поэзии.

Видимо, и впрямь дали о себе знать какие-то «таинственные силы» (Рубцов). Иначе чем объяснить, что два молодых поэта, находясь ещё на подступах к русской поэзии, почти одновременно создают стихотворения с одинаковым названием – «Поэт»! И даже публикуют их в один год – 1962-й: Рубцов в сборнике «Волны и скалы», Коротаяев – в сборнике «Экзамен».

Со стихотворением Коротаяева мы уже познакомились. Напомню начальные строчки рубцовского стихотворения:

*Трущобный двор.
Фигура на углу.
Мерещится, что это
Достоевский...*

Те, кто знают стихотворение Рубцова «В гостях», быть может, даже и удивятся. Но это как раз первая строфа «Поэта». И вот какой в нём образный ряд: питерские задворки и какие-то «ребята», которые не сеют и не пашут, а кричат и машут руками, «поэт», напившись водки, «всё тяжелей сидит на табурете», скандал в «коммуналке», «в дверях горчит сосед, торчат за ним разбуженные тётки», «торчит бутылка водки»... Словом, атмосфера ещё та!

Тут надо сделать уточнение, что перед нами даже не один «поэт», а несколько! Сам «рассказчик», «ребята» из богемной среды, «хозяин притона» – тоже поэт. Говорят, «прототипом» «хозяина» был Глеб Горбовский.

Нет сомнений, рубцовский «Поэт» – это попытка оттолкнуться от богемности «питерского» периода. Но он сам говорит так:

*...Но всё равно опутан я
всерьёз
Какой-то общей нервной
системой:
Случайный крик,
раздавшийся
над богемой,
Доводит всех до крика
и до слёз!*

А о чём могут кричать «ребята, которые не сеют и не пашут»? Правильно – о новоявленном гении или «мессии»! Сколько же – не счесть! – такими «криками» сломано судеб настоящих поэтов.

И ещё неизвестно, какой бы из Рубцова получился поэт, не поступи он в 1962 году в Литературный институт, не поживи в 1963-64 годах в благословенной «деревне Николе»?! А вот Коротаяев к с а м о м у с е б е, как очевидно из «Поэта», шёл изначально. И, конечно, пришёл...

Во всём этом есть один очень серьёзный нюанс. Рубцов предчувствовал, что жизнь его будет «короткой», в какой-то момент (примерно с середины 1964 года) решил для себя и отринул всё житейское, бытовое, семейное. Такая концентрация на творчестве позволила ему выкристаллизовать свой потенциал великого поэта.

Коротаяев же немало усилий положит на создание семьи, как опоры для жизни, бытовых условий, что его, в какой-то мере, «притормаживало» в творчестве. Но это дало ему не один десяток лет жизни, а то как бы знать...

Но здесь как раз не «абы да кабы»: перед нами две состоявшиеся поэтические судьбы.

А если читателю, знающему «позднего» Рубцова (в качестве эксперимента), представить оба стихотворения «Поэт», но без указания авторства? Уверен, он бы коротаяевского «Поэта» признал бы за стихотворение Рубцова...

А кому бы он «приписал» рубцовский вариант – остаётся только догадываться. Могу предположить, что «Толе Мариенгофу» или еще какому-нибудь поэту 20-х годов, если он о таких поэтах слыхивал...

Перечитывая ранние стихи Коротаяева, те, что были написаны им до знакомства с Рубцовым (примерно – конец 1965 года), я нашёл немало образов, которые поэты использовали параллельно – не заимствуя друг у друга, и друг друга не повторяя.

И нам не надо причислять Коротаяева к «кругу» Рубцова: это два р а з н ы х поэта! Таково моё глубокое убеждение. Да, они отражали в поэзии одни и те же явления жизни, что вполне естественно – жили-то в одно время, но к тематике своего творчества они пришли независимо друг от друга.

Виктор Коротаяев тоже всерьёз поработал на вечность. Поэтому и мы сейчас обратимся к «вечным темам» в его творчестве: мужчина и женщина, любовь и судьба, народ и власть, жизнь и смерть...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Есть женщина одна...
В.Коротаев

Стихи о любви, о первом свидании, об охапке сирени, наломанной мальчишкой и преподнесённой «королеве красоты» своей школы или улицы, всегда привлекательны для юного читателя.

Но вот что интересно: у Коротаева таких стихов не так и много. Почти нет. Его больше интересуют отношения между юношей и девушкой, мужчиной и женщиной. А главный его интерес – «женская душа», загадочная, недоступная, несколько эфемерная.

«Есть женщина одна...» Замечу: это сочетание, вырванное из контекста стихотворной строки, как бы «провисает» в сознании, теряет подпорки жизненного опыта.

Одна? Одна из многих? Одна – для другого мужчины? Одна – единственная для меня? Одна – просто одиночка, «кошка, гуляющая сама по себе»? Как же он многосложен – спектр отношений мужчины и женщины.

Каждый настоящий поэт пытался дать своё объяснение этой вечной теме. И Виктор Коротаев – не исключение и даже подступался к этим тайнам чаще других...

Постижение поэтом женской души, отношений «мужчина – женщина» шло довольно сложно. Долгое время в его стихах преобладали мотивы «роковой любви», расставаний, разлуки. Ему хотелось высказаться за «порогом» отношений, хлопнув, что называется, дверью. Вот, быть может, наиболее характерное стихотворение той поры:

*Ни прежней ревности, ни жажды.
 Любовь ушла за облака,
 Как аромат,
 Вздохнув,
 Однажды
 Навек уходит от цветка.
 Не жаль, что стала жизнь короче,
 А жаль, что, буднично рябя,
 Такими же стали дни и ночи,
 Какими были до тебя.
 И неизбежно пониманье,
 Что горько тая, словно дым,
 Становится воспоминаньем,
 Как я любил
 И был любим.
 Так пусть тебе
 В твоём крушенье,
 В глухой беде,
 В лихой судьбе
 Послужит слабым утешеньем,
 Что мне не легче,
 Чем тебе.*

В таких отношениях нет высшей «пробы» самой любви. Слышен даже невысказанный вслух упрёк: любимая решает дальше «строить» свою судьбу, предположим, одна или с другим. Она не смогла оценить любимого, оказавшись о д н о й из многих. Мужчина не чувствует себя виноватым. Ведь «крушение» любви, по его мнению, остаётся во многом на совести женщины.

В другом стихотворении – «Прощальная» (то ли – мелодия, то ли – песня), поэт по-иному «поворачивает» ситуацию. Уже мужчина чувствует свою вину, что не мог удержать «свою» женщину, не сохранил взаимную любовь.

*Такую женщину, глупец, –
Как ни одну пока из женщин, –
Извёл и вымотал вконец,
И сам измучился не меньше.*

Тут показательно: о д н у п о к а из женщин, то есть опять-таки, о д н у из многих. И нет никакой уверенности, что не будет другой, за ней – следующей...

*Остынув,
Разумом пойму,
Что все наветы – небылица.
Но, видно, сердцу и уму
Вовеки не договориться.*

Как там говорил Заратустра? «И если мы и не любим от чистого сердца, – то гоже ли злиться на то, что не любишь от чистого сердца?»

*Светло умевшая нести
Мои печали и терзанья.
Позволь хотя бы на прощанье
Сказать тебе своё «прости».*

*Теперь
Тебе в другом дому
Светиться и не видеть свету.
А мне завидовать тому,
С кем ты поделишь долю эту.*

Опять некоторая духовная слепота, я бы даже сказал — некий «мужской шовинизм». Ведь надо-то бы «завидовать»

любимой, пусть и бывшей! Она, вероятно, обретает своё счастье, пусть и с другим, он хочет-таки остаться «светом» в её окне. Опять нет возвышенности чувства, слишком оно заземлено на «бытиё».

А ведь был почти шаг до пушкинского: «я вас любил... как, дай вам бог, любимой быть другим».

А вот поэт уже совершает и роковую «ошибку», когда пишет о женщине, о д н о й из многих:

*А мне палить своё житье
И, ладя сумрачно с другою,
При каждом промахе её
Невольно сравнивать с тобою.*

Такого отношения к себе не потерпела бы ни одна женщина! Если только она не отъявленная феминистка. Оговорюсь, что в последней редакции этого стихотворения заключительной строфы уже нет. Это тоже показательно. Кто-то – всего скорей, женщина! – подсказали поэту на её недопустимость в разговоре о «слабом поле». Привожу эту строфу на случай, если вдруг она кому-то попадет на глаза, ведь воистину – «что написано пером...»

Но «идейная» правда позиции поэта очевидна. Не важно, в конце концов, кто виноват в расставании. Оно уже случилось, но именно так чаще всего и заканчиваются отношения между мужчиной и женщиной, лишённые духовной составляющей.

Читатель, может статься, решит и обвинить поэта в душевной «глухоте», нравственной несостоятельности. Ничуть! Наоборот, мы должны быть благодарны ему за тот прорыв к высшей любви, к её самой яркой звезде, прорыв, который он, в конце концов, совершит. А путь к «звезде», не мной сказано, тернист и труден... Он такой почти у каждого мужчины! Встречаются, конечно, гении в любви, но редко...

Продолжу дальше.

* * *

А вот еще один «срез» отношений мужчины и женщины, который мы встречаем в стихотворении «Оленька», одном из лучших в его «любовной» лирике и во всей русской поэзии на тему «неразделённой любви».

*Словно спела горлинка,
Словно встала зоренька,
Словно веткой голенькой
Вздрыгнула весна.
Это, ахнув тоненько,
Обернулась Оленька,
Будто колоколенка
Белая, стройна.*

Можно только догадываться, почему такой мужественный человек, каким был Виктор Коротаяев, человек и поэт, решил написать такое нежное, почти «девичье» стихотворение.

Поэт попытался «отодвинуть» от себя образ «Оленьки» народно-песенной стилизацией, сказочными аллегориями. Он как бы пересказал нам какую-нибудь романтическую легенду с драматическим концом, как, например, у драматурга Александра Островского в его «Снегурочке».

*Обернулась Олюшка,
Золотое солнышко,
Золотое солнышко,
Боль моя и грусть.
Стоит только встретиться
С ней, моей ровесницей.
Вроде ясным месяцем
Сам я становлюсь.*

И всё равно, чувствуете, «прорвалось» что-то глубоко личное, потаённое. Особенно сильно в этом: «боль моя и грусть», «с ней, моей ровесницей»...

Не буду гадать, но всего скорей, это была та любовь, которую принято называть «первой», где-нибудь на рубеже детства и юности. Самая чистая и нежная... Поэт тогда почувствовал, что есть на свете о д н а – единственная только для «меня». Что делать, если любовь не сложилась, если не стала взаимной. Но поэт, обоженный таким чувством, «искал» её и в других женщинах. Искал и не находил...

*Но другого Оленька
Помнила соколика,
Что ушёл с топориком
Попытать судьбу.*

Кто же он – «соколик с топориком»? Турист? Лесоруб? «Разбойник с большой дороги»? Какую судьбу он искал, если Оленьке приходится помнить о нём?..

Но надо ли быть таким дотошным, если речь идёт о поэзии? Оставляю этот вопрос без ответа.

*Снова от поношенных
Ситцевых горошинок
Молча, одинёшинек,
Уходил я прочь.
И всё та же девушка,
Проводив до бережка,
Не могла соседушке
Чем-нибудь помочь.*

Да, «мираж-обманка»! Но какой прекрасный и чудный! Девушка – о д н а из многих, даже «обернувшись» Оленькой, всё равно не излечит и ничем не поможет. Да и надо ли? Впрочем, опять я пытаюсь поэзию перевести на «язык» будничной прозы.

Ведь какое прекрасное стихотворение! А почему? А потому, что основе его истинное чувство любви. В «зерне» его замысла – мужская нежность! Настоящие мужчины,

признаемся, тоже бывают нежными! Только часто прячут её глубоко-глубоко в потаённой части души. Она-то и есть первопричина поэтического видения мира.

Как тут не вспомнить Михаила Пришвина: «...Настоящая поэзия потому так редка и так, в конце концов, высоко ценится, что очень мало людей, которые решаются и умеют считать реальностью эту сторону души. Огромное большинство людей в жизни своей исходит от обиды, оскорбления или греха...».

Примерно в это же время Коротаев пишет стихотворение «Не помню старого зачина...». Он использует тот же приём – сказочной символики и аллегории. Только вместо «Оленьки» теперь царевна, вместо «соколика» – настоящий сокол.

И всё бы, казалось, «сложилось» в этом стихотворении. «Приём», как пишут учёные мужи-литературоведы, мог бы сработать. Сюжет, в сущности, банален: царевне необходимо лечить от ран своего сокола, который бьётся с коршунами, то есть, служит в армии.

*Не трижды тяжкими кругами,
А тридцать раз, как лист на стёжку,
Я с перебитыми крылами
Срывался к милому окошку.
И вот когда помочь осталось
Разок последний бескорыстно –
Её терпенье оборвалось,
А, может, снадобье прокисло.*

Ну что ж, скажет битый жизнью мужчина: так бывает сплошь и рядом. Сколько их, «царевен», так и не дождалось из армии своих суженных! А ведь из-за этого в жизни происходили настоящие трагедии, совсем не сказочные...

И мы вот обнаруживаем, что «ткань» стихотворения лопается, трещит по швам, остаётся один «быт»:

*Теперь царица с тёткой Марьей
Торгует пивом на вокзале...*

Вот эти-то две строчки и выдают истинное отношение бывшего «сокола-бойца» к своей любимой. Он «опускает» её на социальное «дно». В «то» время торговать пивом на вокзале было если не зазорно, то уж не престижно – точно...

Но если ты сильно и искренне любишь, так и выводы свою любимую к свету жизни. Нет, и тут опять мужское самолюбие выиграло. Сейчас к этому стали относиться проще. Это, наверно, правильно. У каждой девушки должен быть выбор – «пивом торговать» или стать «царицей» для поэта. А поэт впадает в иллюзорность, теряет связь с «живой» жизнью. Он теперь «рассказывает сказки», что «в том мире» за «синим лесом» есть «только добрые принцессы и только верные царицы».

И всё почему? Потому что в «сердцевине» замысла стихотворения была о б и д а, пусть и сильная, пусть отчасти и справедливая. Но к поэзии это не имеет отношения. Поэтому и стихотворение не «состоялось»: не очень-то верится в новые «сказки» про «верных цариц».

Впрочем, «тут и сказке...»

* * *

Одним из самых сложных для восприятия произведений Виктора Коротяева является, на мой взгляд, лирическая поэма «Одна».

Читая её сегодня, невольно думаешь о том, насколько она современная: мы живём во времена душевного озноба и почти тотального сиротства наших стариков.

И у многих теперь в квартирах смотрит с икон «серьёзный немигающий Христос». Теперь многие «на пасху или святки» подают милостыню свою убогим и сирым. А кто-то уже и смертное бельё приготовил, чтобы быть готовым к той скорбной минуте, «когда сорвётся цепь судьбы»...

Образ «грустной старухи» вполне бы мог прочитываться, как образ женщины, оставившей мир и «живущей во Христе» – в молитвах и постах.

Отшельница-одиночка. Вот и такую женскую судьбу увидел Виктор Коротав.

Всё это, кажется, так и не так одновременно. А в целом-то – совсем и не так.

Уходим во времена «оны». Поэма издана в одном из лучших сборников поэта – «Солнечная сторона» (1975). Сколько в нём молодой энергии, жизнеутверждения, движения к высшим целям.

*Какое всё-таки блаженство
В траве раскинувшись лежать,
Ни словом суетным,
Ни жестом
Движенью жизни не мешать.
Когда, забыв о прежних муках,
Довольный всей своей судьбой,
Зелёный мир
В цветах и звуках
Стоит, как праздник, пред тобой.*

1975-й! Нет, это не была «эпоха застоя» В свой зенит входило последнее поколение победителей в двадцатом веке. Сколько было славных дел у них уже за плечами! И какая была вера в свои силы!

*И не пугает слишком ныне
Средь неизбежных перемен,
Что смерть когда-то всё отнимет
И ничего не даст взамен.
Пусть лучше думается смело –
И прежде прочего всего, –
Что в жизни делается дело
Не без участия моего.
Что этот свет мне всё дороже
И я ищу всё больших дел*

Не потому, что стал моложе

А потому, что не старел.

Вот такой гимн написал поэт с в о е м у поколению.

Виктор Коротаев никогда не был «розовощёким» оптимистом. Он умел отсеивать зёрна от плевел. И здесь тоже поэту веришь безоглядно: он искренен, смел, горяч, как всякий человек высокого полёта и дерзкой мечты!

Зачем тогда он вставляет в книгу «Солнечная сторона» эту совсем не солнечную поэму? А, думаю, для контраста и для равновесия «света» и «тьмы», дня и ночи.

В поэме поэт многое не «договорил» про судьбу «грустной старухи». Мы не знаем и о том, что случилось с её ребёнком или детьми? А ведь «он или они» у неё были, раз есть внучка!

Поэт об этом обмолвился так: она - «ревнивый страж покоя б е д ы своей... и радости своей» (это о внучке, которая, впрочем, тоже «старуху» не сильно привечает). Неизвестно, приедет ли она проводить бабушку в последний путь, даже если телеграмма не запоздает на «трое суток»...

Кто-то скажет, а зачем вообще задаваться вопросами? Есть ведь хорошая поэма, всё в ней «понятно»: у р о к женской судьбы, о д н о й д л я с е б я, осмыслен и принят, как другой жизненный опыт.

Урок-то уроком. Поэт, действительно, расставил для нас акценты «правильного» прочтения поэмы. Мы понимаем, что и к любому из нас может поздно прийти «полусознанная жалость...к себе», когда жизнь прошла мимо...

И всё-таки поэт, думается мне, оставил нам загадку, когда остановился на пороге разгадки эфемерности «женской души». И нам теперь её придётся разгадывать самим. Не так всё просто в этой «грустной старухе». Есть и от неё след в жизни, пусть и не на «солнечной стороне».

А Виктор Коротаев своей поэмой «Одна» ещё раз показал, как глубок был его интерес к женским судьбам и к разным проявлениям нашего суетного и нервного бытия.

* * *

Итак, «есть женщина одна...» Да, одна на всём белом свете!

И опять сошлюсь на Заратустру: «Никогда ещё не встречал я женщины, от которой хотел бы иметь детей, кроме той женщины, что люблю я: ибо я люблю тебя, о Вечность!»

Поэма «Есть женщина» когда-то была в ряду стихотворений поэта о любви и женщине. Сегодня я вижу в ней вершинное воплощение этой темы у Виктора Коротаяева. Поэт рассказывает о том, о чём мы уже узнали из его «любовной» лирики.

*Я тяготился грустной долей,
Но изменить себе не мог,
Мечтал о пушкинской любви я,
Мечтал, и сам себе с тоской
Я признавался не впервые,
Что в наше время нет такой.*

Дальше идёт даже «онегинский» мотив:

*Во мне угрюмость тихо зрела,
И скоро, чувства не тая,
Сквозь дымку лёгкого презренья
Взирал на многих женщин я.*

Да, именно – «взирал»! В наше-то время. Но поэт тоже имеет право жить иллюзорностью своего самопознания, как делали многие юноши не только наших дней.

И, конечно, хорошо, что поэт не отпускают грёзы о женском идеале. Он готов со многим смириться, даже с собственным несовершенством, но не может отказаться от этого идеала. Есть глубинное понимание сущности настоящего мужчины: рядом должна быть женщина – одна-единственная для него.

Тут «среди шумного», нет, не бала, а «мирской суеты» перрона с поезда сошла она. Поэт был готов и к такому повороту событий. Преодолев смущение, он напросился объяснить незнакомке «градоустройство» нашего городка. Дальше сюжет пересказывать нет смысла. Пусть встреча и была мимолётной, но высокое чувство останется на всю жизнь.

*И ничего теперь не страшно,
Как будто мрака в мире нет.
И вьюга горестей вчерашних
Уже не застит белый свет.
Я помню в сырь
и чёрный ветер,
Как восходящую зарю:
Есть
женщина
одна на свете...
И я судьбу благодарю.*

Кто-то скажет: ну, это банальность. А где же страсти «роковые»? А где терзания души и сердца? Если бы всё было так просто, то кругом были бы одни счастливые люди.

Всё так. Именно – банальность. Но она превышает любых драматических коллизий. Поэт прошёл все этапы возмужания. Он дождался, когда придёт та одна-единственная, та самая-самая любимая женщина. А это и есть шаг к Вечности, если вернуться к Фридриху Ницше с его незабываемым Заратустрой.

Вот, кажется, и всё.

Можно в разговоре на эту тему ставить точку, но хочу поделиться ещё одним мужским секретом. Мужчина, если он настоящий мужчина, не может жить только ради женщины, самой любимой-разлюбимой, ему ещё нужна и высшая цель, чтобы оставить след на земле и выполнить на ней своё высшее предназначение.

Виктор Коротаяев хорошо понимал это. Есть у него стихотворение: призывник собирается отправиться в армию и много чего обещает своей любимой. Поэт тоже обещает любимой «синих северных сияний» на платье. И всё-таки, уезжает. Почему?

*И пойми, что к сопкам нелюдымым
Не от глаз твоих я убежал:
Просто до тебя, моей любимой,
Я себя
России обещал.*

Вот так: не больше, но и не меньше. Бравада юноши? Нет! Осознанные слова. Понятно, что в контексте стихотворения эти слова имеют конкретность своего выражения. Но сейчас они стали уже символом, одним из важных в понимании творчества Виктора Коротаяева. И это тоже одна из «вечных тем» его поэзии.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*Прекрасно однажды в России родиться...
Виктор Коротяев*

Думаю, многих из нас когда-нибудь ставил в тупик вопрос: с чего начинается Родина? Не всякий с ходу сможет ответить на него.

А если, правда: с чего?

Читаем стихотворение Виктора Коротяева:

*Россия, белая от снега
И золотая от сосны...
Следы последнего набега
Уже как будто не видны.
А столько тёмной хмари было
И горькой мглы наволокло.,
Но всё лазурью затопило
И белым снегом замело.
И над раздольем звучной рани,
Легко катясь во все концы,
Звенят в серебряном тумане,
Быть может, счастья бубенцы.
И, замирая в зябких сенцах,
С особым вкусом,
Не спеша,
Любому звуку вторит сердце
И откликается душа.*

Поэт возвращается к истокам судьбы. Он помнит своё военное детство, когда хватало и «тёмной хмари», и «горькой мглы»... Но тут в эмоциональном состоянии наступает просветление! Ему и впрямь, быть может, слышатся «счастья бубенцы»! Тут самое важное – это «быть может»! Это почти пушкинское – «на свете счастья нет». «Бубенцы счастья» только грезятся, но сердце и душа им откликаются и молитвенно вторят.

А заметили, как «кольцуется» Россия и душа! В своём единстве, в своём постоянстве мировосприятия. Одно истекает из другого и наоборот. Отсюда и чувство родины, отсюда и «счастья бубенцы».

В другом стихотворении Коротаяев словно бы «усиливает» это настроение, используя почти тот же образный ряд.

*Ну что, казалось бы, такого...
А я ликую и свечусь,
Едва услышу это слово
Совсем коротенькое – Русь.
И волны вновь отпрянут с мола,
И солнце двинется в обход,
А из раскатистого дола
Грозой и порохом пахнёт.
Замрёт звезда сторожевая –
И не постичь умом уже,
Какие связи оживают
И что творится там, в душе,
Что жизнь готов отдать задаром,
Когда, раздвинув берега,
Дохнут в лицо
Морозным жаром
Родные
Русские снега.*

Да, «умом Россию не понять» (Тютчев). Коротаяев сознательно идёт на переключку с предшественником. Он даже не берётся конкретизировать, что «творится там, в

душе», какие «связи оживают», если только произнести коротенькое слово – Русь! И это – правда! В этом великая традиция русской поэзии.

«И когда мы произносим это простое и в то же время н е о б ъ я т н о е (разрядка моя – А.С.) слово «Россия» (у Коротаяева синонимично – «Русь») – и чувствуем, что мы назвали что-то самое главное в нашей жизни и нашей личной судьбе, то мы твёрдо знаем, что мы разумеем не просто природу, или территорию, или быт, или хозяйство, или государство, – *но русский дух*, выросший во всём этом...»

Так писал великий русский философ Иван Ильин. Мы сегодня повторяем эти слова не только в связи с поэзией Виктора Коротаяева. Они ключ к тому, что должна и может нести русская поэзия в будущее – нашим потомкам.

Это не просто слова. В поэзии Виктора Коротаяева много подтверждений этому.

*Пятками прошлёпаю босыми
По тропинке солнечного дня.
Хорошо, что родиной
Россия
Чудом оказалась у меня.*

Дальше поэт обнажает воссоединённость себя, русского человека, с природой родной стороны, со всем народом. Он находит только светлые, «золотые» краски, чтобы воспеть свою родину. Ему даже и лопухи по нраву, не говоря о том, чтобы проснувшись да «не благословить речную гладь», а, засыпая, «одинокой иве» «светлых снов не пожелать». А удаль молодецкая? Тут и трепака в охотку отчубучить в праздник, и ворота можно «своротить», если случай подвернется...

Но, в конечном итоге...

*И конечно,
В разуме и силе,
Нераздельны в духе и плоти,*

*Только в дорогой стране России
Все мы и могли
Произойти.*

Создавая это стихотворение, Виктор Коротаяев не мог знать эстетической «формулы» Ивана Ильина. Но как точно он выводит свою поэтическую стезю именно к такому пониманию русской души. Через пространство и территорию – «дали», через «природу» – «ива», «речная гладь», и через «быт» народа – к д у х у!

А в контексте стихотворения мы понимаем – к *русскому духу*. Более того, начиная своё стихотворение от «себя», от «я», что и подобает настоящему лирику, поэт этически закономерно приходит к «мы»! Да, речь о «нас»: о тех, кто был, есть и будет на этой земле. Тут все звенья русской истории и жизни, тут истинное понимание места каждого человека в земном бытии.

* * *

Но нет ли тут, спросит кто-то, национального самоограничения? «Цивилизованный мир» стремится к «глобализму», всеохватности мировых процессов. И не только в технократических или информационных сферах, что, быть может, ещё и допустимо. Но ведь проглядывается желание установить «мировой порядок» и в нравственном, этически-поведенческом и эстетическом планах. Особенно, в культуре, лишив её национальных особенностей...

Интересно, что Виктор Коротаяев попытался найти ответ и на последний вопрос. Он размышлял об этом тогда, когда никто ни о каком «глобализме» и слухом не слыхивал.

Оговорюсь, что поэт основную тему стихотворения несколько «камуфлирует». Он говорит о том, что есть некие «деятели культуры», призывающие потише говорить о принадлежности к своей стране. Мол, не надо возвышать «голос», когда говоришь о сокровенном. Возможно, тут проявились отголоски «громкой» полемики о «тихой лирике». И всё-таки...

*За столько лет совместной жизни
И общих дум,
И общих снов
Для дорогой моей Отчизны
Я не нашёл достойных слов.*

Поэт укоряет себя тем, что не смог полностью раскрыть тему Родины. Наверное, осознаёт, что она слишком «объёмна», не всегда под силу даже очень сильному таланту. Но есть сопричастность к истории России, осознание как «светлых» её сторон, так и «тёмных».

*А мне внушается с искусством,
Упомяну об этом лишь,
Что целомудреннее чувство,
Пока его не обнажишь.*

Поэт говорит лишь об «искусстве», но подспудно мы понимаем, что речь и о «политике», и об «идеологии», и о том, что чужеродные ценности привносятся «втихомолку», ненавязчиво и как бы между прочим.

Стихотворение опубликовано в сборнике «Пока звезда не закатилась» (1982). Написано, значит, раньше. Ещё далеко было до всех этих «либералов», «демократов», Чубайсов и Кохов... Ряд этот сегодня каждый может продолжать на своё усмотрение.

Ещё было далеко и до 1991 года, а поэт сердцем чувствовал, что неспроста идёт «атака» на русское самосознание. Хотя бы пока и через культуру.

*Я в эти взглядываю лица
И вновь тревожусь неспроста:
Что за молчанием таится?
Добро, коль только пустота...
А может, им необходимо,
Скрывая истинную суть,*

*Детей
От матери родимой
Любою силой
Отвернуть?*

Поэт ещё надеялся, что «притворцам разным искони», будущим «прорабам перестройки», неведомо, что они творят на русской земле. Но «они»-то, конечно, знали, что внедряют и вбивают в сознание нашего народа.

Финал стихотворения остался «открытым». Поэт очень надеялся, что «нет такой на свете силы, чтоб сбить нас с верного следа». Ему достаточно сказать, что чужеродные идеи, хотя бы в искусстве, не должны довлеть сознанию русского человека. По тем временам этого казалось достаточно. Но оказалось, такого предупреждения было мало...

* * *

Впрочем, основная тенденция уже тогда Виктором Коротчаевым была осознана совершенно верно. Я уже договариваю за него, что попали мы из «огня да в полымя».

На днях некая балерина «докладывала» из «ящика», что ненавидит русский балет. Некий композитор сообщал, что ненавидит музыку Чайковского и Мусоргского. Некий молодой писатель стонал о том, что «старикашка Толстой» сбил русскую литературу с пути истинного...

Я, понятно, знаю, кто это говорил. Не в именах дело. Суть в другом: налицо тенденция на умаление русской культуры. И доколь это будет продолжаться, пока не знает никто...

А поэту приходилось, приходится и нам стоять в «карауле» на страже «национальных интересов» своего Отечества. Из стихотворения «Начеку»:

*Снова намутили,
Наболтали,
Всяческих навешали собак...*

*Так пожить хотелось
Без баталий,
Да не получается никак.*

Почему у поэта такое ощущение опасности? Он, словно на войне, даже спиной чувствует, что «дула» твёрдо на него наведены. Да и может ли русское сердце смириться с тем, что наших людей называют «российским быдлом».

Как же прозорлив был Виктор Коротаяев: ведь стихотворение написано в те годы, когда открыто назвать русского человека «быдлом» могли только заклятые враги, засевшие за «бугром».

А поэт уже тогда знал и чувствовал врагов «внутренних» и гордо принимал их вызов:

*...Презираю ваши баррикады
Выхожу на линию огня.*

*...Я давно не жду от вас пощады,
Но и вы не ждите от меня...*

Тут опять-таки нет бравады! Это его сознательный выбор. Выбор настоящего мужчины, верного чести и долгу.

Виктор Коротаяев, однако, настраивает нас и на оптимистический лад. Есть у него стихотворение «Объяснение с другом». Оно заканчивается так:

*Главное – земля родная с нами,
С нами – верность флагу своему.
Мы идём различными путями,
Но всегда приходим к одному:
Честь и справедливость –
наша сила,
Гордость и надежда –
наш народ,
Есть у нас с тобой земля Россия,
И она не только песен ждёт...*

Поэт именно так – многоточием – обрывает своё стихотворение. Он за каждым из нас оставляет право договорить то, чего ждёт от него «земля Россия». Что ждала Россия от него, поэт знал:

*С Отчизной, с милою землёй,
Мне никогда не рассчитывать
За радость быть самим собой
За счастье плакать и смеяться...
За землю, нашу испокон,
За откликающийся воздух,
За молодой и сильный сон,
Весь в голубых
И крупных звёздах;
За шум осоки у пруда,
За шелест утреннего сада...
Не рассчитывать никогда...
Хотя рассчитывать –
Надо...*

Своей анафорой «За...» поэт подвигает и нас продолжать этот ряд.

И не обязательно только приложимо к природе. Это «За...» может быть и в людях, и в обществе, во всех проявлениях духовной жизни русского.

Иван Ильин еще в 1930 годы (!) говорил так:

«...Всюду, где слагаются у нас поэтические строки, мы видим... живое ощущение творческой национальной силы, мечту о новой России, потребность воскресить наше угасшее пение... Надо только освободиться от обывательства, надо беречь огонь сердца, укреплять своё чувство ответственности и повышать требования, предъявляемые к самому себе».

Виктор Коротаяев творил, в основном, в то время, когда потаённая «русская мысль» была в изгнании и глухом забвении, она ждала часа своего освобождения и возвращения на родину.

Я не случайно сопрягаю разные времена и эпохи. Поэт – душой и сердцем – до конца оставался верен ценностям русской жизни. Мы видим, как глубоко он понимал процессы будущего возрождения России и всю свою жизнь работал на него...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

*...что-то грустно, брат.
Виктор Коротаяев*

Как водится, «юноше, обдумывающему жизнь» (да и девушке тоже) редко удаётся угадать свою судьбу. Это удел людей, изначально имеющих высокую цель в жизни. Но даётся это редко кому.

Виктор Коротаяев из этого правила был счастливым исключением. В стихотворении «Поэт» он заложил личный код своей поэтической судьбы.

Напомню, как поэт говорит о себе и своей Музе:

*Нет ему ленивых воскресений
И покоя нет, как у людей.
Всё же он до смерти не изменит
Верной своеправнице своей.*

Уже тогда молодой Виктор Коротаяев имел в жизни высокую цель. Он был судьбой обречен на русскую поэзию!

На склоне дней он скажет суровую правду о своей жизни.

*Никто не знает, слава Богу,
Ни дома,*

*Ни на стороне,
Какую грозную
Дорогу
Судьбина
Выдумала мне.
...Наверно, будет,
Что припомнить –
Ведь оглянуться
Есть на что...*

Никто, конечно, не заставлял поэта бродить по «хлябям», «рвам» и «буеракам» в «болотных сапогах». Но за конкретикой поэтических строк стоит метафора самой жизни. Каждому выпадают свои «хляби» и «буераки», но не каждый, оглянувшись назад, сможет сказать, что жизнь у него удалась...

Более того, свою судьбу поэт строил наперекор многим жизненным обстоятельствам.

Вот стихотворение, которое посоветовал бы прочитать читателям новых поколений:

*Учитель нас нацеливал не так.
Рождённый, так сказать, слугой момента,
Он не был недотёпа и простак,
Но мало было в нём
Интеллекта.
Он рано покидал свою кровать
И торопил нас действовать скорее,
Но обучал
Копаться и копать
И не учил
Парить и гордо реять.*

На первый взгляд, здесь в очередной раз проявился пресловутый конфликт «отцов» и «детей». Но нет! Тут, скорее, конфликт людей разных э п о х. Становление человека и поэта Виктора Коротяева пришлось на времена хрущевской «оттепели», которую теперь многие называют «гнилой».

Но суть, опять же, в другом. Конец 1950-х-начало 1960-х годов – время «ломки» массового сознания в среде молодых людей. Попадая к «учителям», имеющим «зажатость» сознания и поведения, молодёжь того времени испытывала явный дискомфорт.

Речь идёт не о школьных учителях и не о преподавателях вузов, хотя и там были педагоги-идеологи разной закваски. У Коротяева, зоркого на глаз, здесь, скорее всего, «учитель», которого он увидел со стороны, это чей-то наставник по «нравственному воспитанию» будущего строителя коммунизма. Возможно, был у него «прототип», не обязательно из его круга.

Казалось бы, это «знаки» другого времени, но если взять тему шире, то на поверку опыт старших поколений оказывается бесценен и для поколений, идущих вослед. Впрочем, он отдаёт должное своему «учителю», хотя и с большой оговоркой.

*Он отдавал питомцам всё, что мог, –
И хлеб, и соль,
И вырезку говьяжью.
Но всю основу видел
В мышцах ног,
Естественно считая крылья –
Блажью.*

Вот где опасность такой «учительской» философии. Они часто ввергают «младое племя» в «быт», лишив их жизни духовного начала.

Помните? «Человек рождён для счастья, как птица для полёта...» – говорил Владимир Короленко, но писатель забыл пушкинские слова: «на свете счастья нет».

«Крылья» нужны для больших или великих дел в жизни, а не для эфемерного «счастья», которое в земной юдоли почти недостижимо.

*На нас угробив множество годов,
Он всё же вызывает в сердце
Жалость:
Ведь он всю жизнь
Выращивал кротов,
Орлы ж – наперекор ему
Рождались.*

Да, «орлы»! И – наперекор всему! Эпохе, «учителям», сословным традициям, мнению «прогрессивного человечества»...

Здесь и урок будущим поколениям. Хочешь «летать» – отрашивай «крылья». Хочешь остаться самим собой – сопротивляйся «обстоятельствам». Хочешь быть духовно богатым – не пренебрегай опытом старших поколений...

* * *

Виктор Коротаяев не раз возвращался к этой теме, справедливо считая, что и поэт может выступать в роли своеобразного «наставника» молодёжи.

Стихотворение «Недоростки» – это отклик на тревожные явления в среде молодежи эпохи «застоя», в частности, «позднее» взросление, некий молодёжный инфантилизм.

Поколение д е т е й в о й н ы, к которому принадлежал Виктор Коротаяев, пору возмужания прошло быстро, в жизни не было время на «раскачку». Отсюда и жесткая эмоциональность поэта. Он имел на это п р а во, доказав справедливость своей позиции собственной жизнью.

*Рок зловещий,
Божья ли немилость –
А давно для мира не секрет:
Ничего из вас не получилось
Ни в восемнадцать,
И ни в тридцать лет.
Может, я кого-то обижая,
Но всегда*

*И у народов всех
Юноши,
Не ставшие мужами,
Вызывали жалость
Или смех.*

Нет ли у вас ощущения, что вы подпадаете под «магнетизм» поэта? Как твёрдо и уверенно он ведёт в стихотворении «свою» линию. И даже те, у кого появляется желание что-то оспорить или о чём-то поспорить, не могут не почувствовать напор поэтического «текста» и не согласиться с его внутренней логикой.

Этот напор идёт от беспокойного ума и глубоко переживающего сердца.

Отсюда и публицистический пафос, вполне здесь оправданный:

*Мните вы, что вы – персоны,
Голубая кровь,
Почти что – знать.
А ведь сами в общем
Не способны
Собственного краха осознать.
Хвастая дипломами своими,
Вспомните о клятвах на крови...*

Голову отдам на отсечение, что это стихотворение написано не в 1980-е годы, а только вчера. Так всё актуально! Так, оказывается, всё долго зрело...

Что же с нами происходит? – хочется спросить в очередной раз. Почему «властителями дум» вдруг стали звезды «шоу-бизнеса» и журналисты «желтой» прессы?

Почему многие политики, плотоядно улыбаясь с экранов долбежных «ящиков», так часто говорят о благе народа, не замечая, как за их спинами, а часто и не без их участия, разворачивают и умерщвляют одурманенную и обманутую Россию.

Почему этих «почему» так много? И главное: почему нет ответа на главный вопрос: а мы-то где были? Поэт и тогда с болью обращался к современникам, еще не потерявшим совесть и болеющим за страну и судьбу своего народа:

*Где же ваши подвиги во имя
Родины,
Свободы
И любви?
Где они,
Высокие порывы,
Гордый дух,
Решительная статья?
Лопнули порывы,
Как нарывы,
Даже неудобно вспоминать.
Вместо меди – пропитое золото,
Как возмездье – старость невдали.
Говорите:
Время виновато
Молодцы, виновника нашли.*

Но как же ныне боятся настоящей публицистики! Послушать иных «деятелей» от политики и литературы, так она и вовсе не нужна. Чего зря народ будоражить? Нам по «ящику» покажут, как мы м о г л и бы жить! Могли бы, но жить так не будем, потому что на всех «золотого тельца» всё равно не хватит...

И уж какие там п о р ы в ы русского духа? Достаточно с нас и «духовной» резервации, которую нам построили. За нас, собственно, кто-то давно всё решил: богатеите себе на здоровье. Кто сможет, конечно! А нам – большинству(!) – крохи с «барского стола»...

Но помните:

*Нам перерастать любое время,
Чтоб ему указывать пути.
Вы ж до своего –*

*Дурное семя –
Даже не сумели дорасти.
Смех и жалость – всё, что я имею
По закону нынешнего дня.
Я сегодня
Просто вас жалею.
Время досмеётся
За меня.*

Вот такой взгляд в будущее! Русское общество, действительно, растеряло многие идеалы «отцов» и «дедов». За всё несправедное, что ими было сотворено, они расплатились частичным забвением «новых» поколений.

Но, как водится, с «водой» выплеснули и «ребёнка». А на дне её и была «мысль народная», самая вековая. Идущая и от Пушкина: и долго тем любезен буду я народу; и от Некрасова: эх, дубинушка, ухнем!.. А там – и «сама пойдёт»! Пойдёт?

Тут опять возможны стенания «эстетов» от поэзии. Ну, зачем так грубо? Это же поэзия, а не газетная публицистика? Верно, поэзия! Но коль долго мы будем себя улаживать «чистыми звуками», тем дольше и будет больна наша Россия-Русь...

Да, грустно, наверное, дорогой читатель? Грустно...

*В дни покоя и годы труда,
Что дарует судьба и Отчизна, –
Ожидаема радость всегда,
Хоть всегда коротка
И капризна.*

*Встрепенусь,
Закружусь,
Засмеюсь:
Наконец-то!
И складно, и ладно!
Надоела*

*Вселенская грусть,
Как порой ни чиста,
И отрадна.*

*Радость высветит золотом даль.
С этим чувством ясней и беспечней
Только верю я больше
В печаль,
Потому что она –
Долговечней...*

Выходит, надо грустить! Хотя бы иногда. Это тоже часть нашего брэнного бытия. В такие минуты легче вспоминать, что были, есть и будут «души прекрасные порывы», что жива ещё наша родина!..

* * *

И в завершении – о смысле жизни. Это тоже болевая «тема» Виктора Коротаева. Это стихотворение посвящено замечательному поэту Александру Боброву, и отличается оно очевидной интимностью разговора, и на то были причины.

*Ну что же ты молчишь,
Мой самый чуткий друг?
Меня пугает тишь
И ранит
Каждый звук.
Всё это не теперь,
Конечно, началось...
Прикрой-ка лучше дверь,
И так слышать
Насквозь.*

Элегичный зачин, такой для поэта не характерный. Кажется, поэт себя и нас готовит к разговору об итогах земной жизни:

*Я так бывал устал
И так вразнос любил...
Бывало, выпивал,
Случалось, даже пил.
Вздыхало вверх меня
И рушило на дно.
А сердце из кремня –
Бывает ли оно?*

Читаешь стихотворение и чувствуешь в нём какой-то внутренний надрыв: не была ли жизнь случайна, так ли всё в ней сложилось, как задумалось в молодые годы?

*И вот теперь лежу,
Судьбой почти отпет.
О чём-нибудь тужу?
Да нет, мой милый,
Нет.*

Конечно, написано это в минуты душевного кризиса. У поэта еще было впереди много лет жизни. Лет деятельных, творчески насыщенных. Есть ли тут понимание того, что какие высоты так и не достигнуты? Или что-то упущено, растрчено впустую?..

Вопросы характерны для тех людей, которые знают истинную ценность самой жизни. Они не появляются у людей равнодушных, самодовольных. Коротаев это хорошо понимал.

*А плачу потому,
Что на исходе дней
Завидую тому,
Кто жил
Ещё больней.*

Поэт ставит точку, отказываясь от многоточия. Здесь нет вариативности. И для себя. И для нас. И для будущих читателей.

Тут каждый может поискать синонимический ряд для слова «больней». Может быть, умней? Или – веселей? Быть может, ответственной? Или – добрей? Я не берусь отвечать за всех. Слишком полифоничен может быть ответ.

Показательно, что Коротаяев не раз и не два, снова и снова возвращался к этой теме. Иногда в усложнённых метафорах, иногда откровенно просто, чтобы быть правильно понятым.

Вот, например, стихотворение «Философ»:

*Он часто думал на овчине,
Как навсегда уйдёт во тьму.
Но мысль
О собственной кончине
Не заслоняла свет ему.*

*Он говорил полуугрюмо,
Свою раскручивая нить:
«О смерти нашей
Стоит думать,
Чтобы ещё острее
Жить...»*

Вот тут, да, многоточие появляется. Персонаж его стихотворения, тоже имеющий прототипа, очевидно, надеется жить... до бесконечности. Не сам смысл жизни его интересует, а физиологическое состояние. Поэт явно иронизирует по поводу «речений» своего оппонента. Лежа на уютной и тёплой «овчине», много до чего можно додуматься.

Хотя мысль, конечно, верная. Есть ведь два понимания смысла жизни. Одно – «жизнь прекрасна и удивительна», вся ценность в ней самой. Второе – «после нас, хоть потоп». Тут я не беру ещё и третий смысл – теологический. Оставим «Всевышнему – богово».

Наш разговор для светских людей. А им присущи первые два понимания смысла жизни.

Какой же из них исповедовал Виктор Коротаяев?

Вопрос не праздный. На мой взгляд, первый. Именно – жизнь прекрасна! Тут перейдём к ещё одной элегии поэта. Называется она «Ночное письмо Вадиму Кузнецову».

Был такой товарищ у Виктора Коротаева, поэт. Наверное, теперь почти забытый. Но он был его верным и надёжным другом. Поэтому он и написал ему свою исповедь.

*Вадим Петрович, что-то грустно, брат.
Не потому ль, что медленно старея,
Идти вперёд всё горше и труднее
И поздно поворачивать назад.
Судьбою не приучен я стонать,
Но что-то с каждым днём
В ней больше трещин,
Знакомых – уйма,
А друзей всё меньше
И это, право,
Больно понимать.*

Как видим, ещё одна «трещина» в душе. И опять – время итогов. «Хоровод» жизни отвлекает от главного: «зачем опять отложены стихи?» Если ли ещё силы, чтобы выполнить своё предназначение в жизни?

*Неужто ждёт меня такой удел.
Когда какой-то хлыщ,
Едва зевая,
В твою небрежно сторону кивает:
Что вот-де мог,
Да сам не захотел.*

Да, суровый судный день! Мотив незавершённости своей судьбы – не есть в данном случае простой пессимизм. Он простекал у поэта от высшей осознанности своей необходимости обществу.

*Иначе мы устроены, мой друг,
И помним, где нужны*

*И где полезны.
Но ты прости:
Я тоже не железный,
Успел –
Поплакал в дружеский сюртук.*

Но ведь смысл жизни – есть! Поэт это утверждает уверенно, с полным пониманием высшего счастья в этой жизни.

*Мы не одним живём на свете днём,
Зато одной мечтой и верой дышим,
Весёлых писем
По ночам не пишем,
Но и утрами
Тожe слёз не льём.*

Всё так! Вот это характер! Сильный и независимый. Целеустремлённый. Такова была духовная сущность поэта и гражданина Виктора Коротаяева.

* * *

На этой ноте я и завершу разговор о художественном мире поэта.

Знатоки поэзии Виктора Коротаяева, возможно, будут удивлены, что в портрете, пусть и литературном, не нашлось места для многих лучших и «программных» стихотворений выдающегося лирика нашего времени.

Это действительно так. Но, во-первых, о таких стихах уже сказали другие. И мне не след повторяться. Во-вторых, пусть будущий читатель сам сделает свои открытия. А их, уверен, у него будет много.

В поэзии Виктора Коротаяева ещё много глубинных «тайников» и смыслов. В них пытались и пытаемся погрузиться мы, помнящие и любящие этого прекрасного поэта, мужественного человека и честного гражданина.

Будут приобщаться к ним и те, кто однажды войдет в пространство его художественного мира и, приобщенный к нему, станет сильнее и богаче душой и сердцем.

Мы делаем первый шаг к постижению творчества поэта в России XXI века.

Второй шаг – за будущими читателями!..

*Декабрь 2010 года.
Вологда.*

НАГРАДЫ И ЗВАНИЯ

О присуждении премий Вологодской областной комсомольской организации 1972 г. в области литературы и искусства // Вологод. комсомолец. - 1973 - 21 янв. В т. ч. поэту В.Коротаеву за поэму «Славянка и сб. «Стихи» (1972).

О награждении тов. Коротаева В.В. орденом Почета:

Указ Президиума Верховного Совета СССР, 10 апр. 1989 г. // Крас. Север.- 1989.- 11 апр; Сов. культура.- 11 апр. ; Лит. газ.- 12 апр.; Лит. Россия.- 14 апр.

Поздравляем! // Крас. Север.- 1997.- 26 апр.

О присвоении звания «Заслуженный работник культуры РФ» писателю В.В.Коротаеву.

Произведения Виктора Коротаяева

- Экзамен: Стихи.- Вологда: Кн. изд-во, 1962.- 79 с.
- Мир, который люблю: [Стихи.- Архангельск], Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965.- 79 с
- Липовица: Стихи./[Грав. на дереве Г.и Н.Бурмагиных.- Архангельск], Сев.-Зап. кн. изд-во, 1969.-95 с.: ил.
- Жребий: Стихи.- М.: Сов. писатель, 1969.- 94 с.: ил.
- Мальчишки из далеких деревень: Стихи.- М.: Сов. Россия, 1969.- 87 с.: ил.
- Стихи и поэмы.- [Вологда], Сев.-Зап. кн. изд-во, [Вологод. отд-ние], 1972.- 128 с.: ил.
- Славянка: Стихи и поэма.- М.: Мол. гвардия, 1972.- 112 с.
- Притяжение: [Стихи].- Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, Вологод. отд-ние, 1976.- 128 с.
- Солнечная сторона: Стихи. – М, Современник, 1975. – 159 с.
- На свидание: Повести и рассказы.- М.: Мол. гвардия, 1978.- 239 с.: ил.
- Чаша: Стихи и поэмы. – М., Молодая гвардия, 1978. – 255 с.
- Перекаты: Кн. новых стихотворений.- Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во Вологод. отд-ние, 1980.- 159 с.: ил.
- Пока звезда не закатилась.- М.: Сов. Россия, 1982.- 174 с.
- Прекрасно однажды в России родиться: Стихи.- Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, Вологод. отд-ние, 1982.- 109 с.- (Поэты Севера. Кн. полка подростка).
- Вечный костер: Избранное / [Вступ. ст. С.Куняева].- М.: Мол. гвардия, 1984.- 303 с.
- Третий гудок: Стихи. – М., Советский писатель, 1987. – 159 с.
- Караульная сопка: Стихотворения и поэма.- М.: Современник, 1984.- 159 с.: ил.
- Стояли две сосны: Повесть. – Архангельск, Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984.

Святыня: Стихотворения и поэма.- Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, Вологод. отд-ние, 1988.- 236, [1] с.

Козырная дама: (Почти докум. повесть с эпилогом о том, как убили поэта Н.М.Рубцова).- Вологда: ИЧП «Крис-Кричфалуший», 1991.- 304 с.

Единство: Стихотворения и поэма.- Мол. гвардия, 1991.-112 с.

Мать: Антол. стихотворений рус. и сов. поэтов о матери/ [Сост. и авт. предисл. В.Коротаев.- Вологда: Коммерч.- изд. Фирма «Вестник», 1992.- 334, [1] с.: ил.

Неотложность: Стихи.- Вологда: Полиграфист, 2000.- 104 с.: ил.

Прекрасно однажды в России родиться: Избранные стихи. – Вологда, НП «Русский культурный центр», 2009, 304 стр.; ил.

О творчестве Виктора Коротаева

Дементьев В. Первый экзамен // Москва. 1963. № 1.

Гура В.В. Эстафета поколений // Гура В.В. Из родников жизни: Лит.- критич. очерки.- Вологда, 1964.- С.99-112.

Симаненков И. Вторая книга поэта // Север 1966. № 3.

Павлов К. Второй экзамен // Нева. 1966. № 7.

Перцовский В. Путь к зрелости // Север. 1971. № 5.

Оботуров В.А. И вечно поиск...: (О стихах Б.Чулкова и В.Коротаева) // Оботуров В.А. Степень родства.- М., 1977.- С. 173-189.

Артемова Н. Родной тропы начало... // Москва. 1979. № 12.

Коносов М. На повороте // Север. 1980. № 1.

Куняев С. Земная душа // Коротаев В. Вечный костер: Избранное.- М., 1984.- С.3-7.

Кузин Н. Думы об Отчизне // Север. 1985. № 10.

Иванов П. Качество души // Лит. Россия. 1988. 25 нояб.

Романов А.А. «Всякого злата дороже...»: Виктор Коротаев в русской поэзии // Романов А.А. Искры памяти.- Вологда, 1995.- С.143-145.

Мы помним прежние года...: (Воспоминания о В.Коротаеве) / [Сост.: Н.Б.Шилова, Ю.А.Стригин].- Устье: Усть-Куб. тип., 2002.- 34, [1] с.: ил.

Виктор Коротаев – Человек. Поэт. Личность!: (Материалы к поэтич. вечеру для 8-9 кл.) / Вологод. обл. дет. б-ка;[сост., ред.: Н.Б.Шилова].- Вологда, 2003.- 19 с.: ил., портр.

Коротаева В. Живая поэзия России: 30 января в селе Чучково Сокольского района состоялся юбилейный вечер поэта [В.В.Коротаева], посвященный его 65-летию /В.Коротаева // Русский Север.- 2004.- 4 февр.- С.7: портр.

Романов А.А (сын). Жажда бытия // Пятницкий бульвар.- 2004.- N 5.- С.12-13: цв. фот.-(Поэт и время).

Зайцев Б. «Поэт – чаша» // Пятницкий бульвар.- 2005.- N 10.- С. 20-21: фот.

Поздняк Л. Захлебнулась туманом округа... // Вологодский ЛАД.- 2007.- N 1.- С.172-182.

Кудрявцев В. «Я Вас давно люблю, Россия...» – На интернет-сайте «Культура Вологодской области».

НА ФОТО:

Из семейного альбома (детство - с родителями, юность, армия, свадебная - с женой Верой); с друзьями-коллегами – Леонидом Беляевым, Николаем Рубцовым, Василием Беловым.

НА ФОТО
 (сверху вниз,
 слева направо):
 с коллегами-
 писателями
 – В.Коротаев,
 А.Грязев, С.Чухин,
 В.Оботуров,
 В.Шапошников,
 А.Романов;
 под берёзой
 в Нюксенице
 - В.Кожин, В.
 Коротаев, С. Куняев, Р. Балакшин; с художниками В.Сергеевым
 и Н. Бурмагиным; буксир, носящий имя поэта В.Коротаева.

